

КЛУБЪТ НА КНИГОВЕ
СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ УРОКИ
БЕГСТВА ОТ ИСТОРИИ

Федерико Кампанья
Иные миры
Средиземноморские уроки
бегства от истории

Per Arturo e Rain, il mio arcipelago

Федерико Кампанья
Иные миры.
Средиземноморские
уроки бегства от истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73434403
Иные миры. Средиземноморские уроки бегства от истории:
ISBN 978-5-908038-40-9

Аннотация

Работа итало-британского философа Федерико Кампаньи (род. 1984) – история Средиземноморья, написанная в форме «практического пособия по выживанию» под натиском сил глобального масштаба. Автор фокусируется на кризисах, с которыми в разное время сталкивались жители региона: завоевания Александра Македонского, резко расширившие границы античного мира, падение Римской империи, столкновение христианской и исламской культур в Средние века, ужасы двух мировых войн. Герои книги жили в переломные моменты истории и справлялись с кардинальными изменениями привычной им реальности с помощью радикальных стратегий выживания. Обращаясь к историческим, философским и мифологическим текстам, которые народы Средиземноморья создавали в периоды больших потрясений, и анализируя наиболее

устойчивые структуры «времени большой длительности», сохраняющиеся в череде катастроф и катаклизмов, Кампанья ищет воображаемые «иные» миры, где люди в трудное время находили и продолжают находить убежище.

Содержание

Предисловие к российскому изданию	9
Введение. Времена года	13
I. Смертные. Бронзовый век	30
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Федерико Кампанья
Иные миры.
Средиземноморские
уроки бегства от истории

Перевод: Николай Проценко

Редактор: Ольга Гаврикова

Оформление: Евгений Григорьев, Анна Иванова
Кампанья, Федерико.

© Federico Campagna, 2025

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

FEDERICO CAMPAGNA
OTHERWORLDS
MEDITERRANEAN LESSONS
ON ESCAPING HISTORY

Федерико Кампанья
Иные миры
Средиземноморские уроки
бегства от истории

BLOOMSBURY
ACADEMIC

* * *

Посвящается Артуро и Раин – моему архипелагу.

Вопреки расхожему мнению, история – это не машина, уничтожающая всё на своем пути. История оставляет туннели, тайники, норы и убежища.

Эудженио Монтале, «История»

Предисловие к русскому изданию

Выход русского перевода моей книги в издательстве Ad Marginem – это радость и настоящая честь для ее автора. Я благодарен издателям за то, что они увидели потенциал в публикации моей работы в России. Я не смог бы пожелать лучшего пристанища для своей книги, чем оказаться в одном ряду с произведениями моих интеллектуальных героев, в особенности Роберто Калассо, дух которого незримо присутствует на всем протяжении «Иных миров» и наконец материализуется в последней главе.

И всё же, когда я впервые узнал о предстоящем русском издании, то, признаюсь, был слегка озадачен. Чем именно книга об истории средиземноморского воображения может быть интересна читателям, которые находятся слишком уж далеко от тех мест, где разворачивались описанные в ней приключения?

Однако мои сомнения быстро рассеялись. Вскоре я, конечно, осознал, что у России тоже есть свое Средиземноморье – правда, не то, которое можно обнаружить на географической карте. Всё зависит от того, какой смысл вы вкладываете в это слово. То Средиземноморье, с которым читатель познакомится в моей книге, является в большей степе-

ни ландшафтом воображения, *mundus imaginalis* (воображаемым миром – *лат.*), нежели каким-то конкретным местом на планете Земля. Средиземноморье – везде, где, несмотря на бушующие конфликты, людям всё же удается стирать границы и противостоять жесткому разделению, везде, где историческая катастрофа встречается с неукротимым творческим началом человеческого воображения.

Герои этой книги – попутчики, вместе с которыми читателю предстоит перемещаться по ее страницам, – действительно жили в сложнейшие переломные моменты истории рода человеческого. Как и для многих из нас сегодня, будущее часто казалось им недостижимым, уготованным лишь для сильных мира сего. Однако эти люди не впадали в отчаяние, помня о том, что в ситуациях, когда двери в будущее закрыты, все остальные измерения времени – вплоть до самой вечности – остаются распахнутыми для тех, кто готов выйти за пределы привычных ландшафтов воображения. Герои этой книги стремились трансформировать настоящее, заново изобретая прошлое. Они избегали преследований, становясь невидимыми для систем надзора. Они отбрасывали унаследованные идентичности и дерзали пересекать границы, которые казались незыблемыми.

Даже в случае поражений они восполняли свои исторические неудачи непокорными актами о капитуляции, оставляя после себя непреходящие свидетельства внутренней свободы, которую вовек не истребить ни одной земной власти.

Именно поэтому я задумывал свою книгу не просто как научное историческое исследование, а прежде всего как практическое пособие на тему выживания человека под натиском исторических сил. Если посмотреть на сюжеты из давно минувших столетий и дальних земель именно под таким углом, то окажется, что они по-прежнему обращаются к нам с кристальной ясностью и безотлагательной актуальностью. Вызовы, с которыми сталкивались герои этих историй, будь то неизбежность смерти или сокрушительная сила социума, и авантюры, в которые они пускались, остаются удивительно значимыми для нашего времени.

Средиземноморье – это особый метод использования воображения, и я надеюсь, что моя книга способна выступить той спасательной шлюпкой, на которой мы сможем добраться туда, в бескрайние просторы моря и суши, где все наши миры еще только предстоит придумать.

Синхронистическая карта с географическими наименованиями, упоминаемыми в книге

Введение. Времена года

Выжженная желтизна пшеничных полей вокруг Прицци, родной коммуны моего отца во внутренней части Сицилии, достигла пика своей зрелости. Под известняковыми утесами, сверкающими на солнце, черные полосы плуга прогрызали склоны и долины. Деревушка у подножия горы пришла в особое волнение. На поляну с тракторами и навозом сквозь оконные занавески изливалась непрерывная болтовня, нарушая спокойствие этого утра позднего августа. Всего несколько недель назад сюда вернулись погостить эмигранты из Германии. Теперь же они набивали багажники своих автомобилей коробками с томатным соусом, жестянками с оливковым маслом и пучками орегано. Всякий раз, когда я выбегал из каменной арки нашего дома за мячом, пролетевшим мимо цели, перед моими глазами появлялась очередная группа пожилых родственников, выстроившихся вдоль покрытой выбоинами улицы. Эмигранты без устали целовали и обнимали их одного за другим. В машину садился отец, затем дети и, наконец, мать. Они махали из окон, будто разгоняя нечто незримо присутствующее в воздухе. Каждое утро один из этих кораблей на колесах с иностранными номерами и приборными досками, отделанными искусственным мехом, заводился и отчаливал. Родственники стояли на тротуаре, пока машина не скрывалась за поворотом шоссе. Затем женщины

возвращались в дом, а мужчины брели присматривать за коровами. Вот и еще один год миновал – и кто знает, кого не будет здесь при следующем воссоединении семьи.

Именно в такие предосенние дни моего детства я впервые осознал, насколько время переселенца (*migrant*) отличается от календарного. Для переселенца время разворачивается вдоль двух параллельных линий: остановившееся мгновение его утраченной родины и трудовой ритм в новых далеких краях. Переселенцы не присутствуют всецело ни там, ни там, не ощущают себя по-настоящему дома. Граница между этими измерениями открывается в особые дни, которые превращаются в грустные праздники, не имеющие названий. Эти рубежи размечают мое собственное время даже сегодня, как будто каждый год в конце августа мне по-прежнему приходится садиться в машину вместе с семьей, отправляться в порт и возвращаться на север, в Милан, куда некогда перебрались мои родители.

Но для тех, кто не покидал родные места, всё это остается недоступным – не только стыки между безымянных времен года, но и иные таинственные искажения реальности. Люди, не имеющие переселенческого опыта, могут, например, не замечать, что любая территория существует не в единственном измерении. Одно из ее измерений составляют дома, деревья, почва и вода – такую территорию можно фотографировать со спутников, до нее можно добраться на машине или самолете. Эта территория открыта для возвращения тех, кто

ее покинул даже на время, но так и не оторвался от нее полностью. Однако в другом измерении ту же самую территорию невозможно совместить ни с каким местом на карте. Невидимая для всех остальных, она всегда рядом с теми, кто когда-то называл ее домом, – достаточно лишь поискать ее в воспоминаниях, фантазиях и несбывшихся надеждах. Если оба эти измерения реальны, то переселенец воспринимает таковым лишь второе из них.

И дня не проходит, чтобы живущие в далеких краях переселенцы – странники на чужбине – мысленно не возвращались на воображаемую родину. Отсутствие диплома по метафизике не мешает им открывать двери, отделяющие друг от друга разные пласты реальности, совершая путешествия на такие расстояния, которые другие сочтут непреодолимыми.

Те летние месяцы моего детства, которые прошли на Сицилии, и те сезоны, которые мне и моим родителям приходилось проводить в Милане, где была их работа и моя школа, рано пробудили во мне интерес к воображаемой стороне миростроительства. На собственном опыте я понял, что интуиция переселенцев открывает подлинные черты реальности, подобно взгляду, который лишь влюбленному позволяет увидеть неведомые глубины в своей второй половине. Сколь же мало способны уловить карты, спутники и туристические агентства! За пределами материальных и измеримых аспектов нашего существования раскинулись бесконечные просторы, ощущаемые лишь посредством воображения,

но в то же время совершенно реальные.

Подобное осознание нередко озаряет нас после глубокой утраты – родины или любимого человека. Внезапно мы понимаем – с ясностью, которая уже не ограничивается рассудком, – что исчезновение того или иного предмета в материальном смысле не означает его полного уничтожения. Даже если теперь этот предмет невозможно увидеть и различить с помощью техники, отдельные его части остаются в неприкосновенности. Материальность есть лишь одно из измерений, посредством которых являет себя реальность, а способность выполнять точные – кажущиеся точными – измерения материальной стороны предметов вселила в нас преувеличенное ощущение ее важности. Существование того или иного объекта – любого объекта, будь то человек, какая-либо территория или весь мир, – включает аспекты, которые могут быть восприняты с помощью нашего воображения, и простирается даже за пределы сферы вообразимого. То обстоятельство, что объект сохраняется в нашем сознании после своего материального исчезновения и продолжает жить в нашем воображении, включаясь в бесконечную последовательность метаморфоз, мельком указывает на существование объекта в таких измерениях, которые находятся за рамками мира, подвластного пространству и времени. В действительности объект уже существовал в этих измерениях и тогда, когда он был материален, однако истинные масштабы этого существования оставались скрытыми, пока в итоге

их не сделала явной утрата. Воображение подобно органам чувств – оно точно так же открывает для нас подлинную сторону неисчерпаемого богатства реальности.

В действительности то, что может показаться фантазией, рожденной горем, представляет собой философскую интуицию, общую для мыслителей от Античности до наших дней. Если мы рассматриваем реальность саму по себе и как целое, то перед нами предстает хаос – настолько глубокий и безмерный, что он превосходит любую возможность его понимания или переживания в опыте. Даже какой-нибудь мелкий предмет, вроде гальки, при рассмотрении его во всей полноте существования превращается в загадку, не поддающуюся пониманию. В наших силах – выявить лишь фрагмент этого *хаоса*, отфильтрованный нашим перцептивным аппаратом и ограниченными когнитивными способностями. При помощи воображения, основанного на наших персональных склонностях и космологических допущениях социума, мы придаем этому остающемуся в нашем распоряжении фрагменту одну из бесконечных форм, которые способна принимать реальность. Эта деятельность воображения преподносит нам *космос*, «мир» – место, где мы можем возводить структуры чувственности, которые укрывают нас от травмы заброшенности в смертную жизнь без какой-либо подготовки. Затем, побуждаемые силой привычки и стремлением к комфорту, мы постепенно убеждаемся в том, что созданный нами мир является точной картиной «природы», а ре-

альность совпадает с метафизическим консенсусом отдельно взятого общества в определенный момент человеческой истории. Как правило, мы забываем о воображаемой сущности того «мира», который видим вокруг себя, и начинаем проводить строгие различия между тем, что считаем «действительно существующим», и тем, что можно отбросить как «всего лишь фантазию».

Со временем это философское вопрошание слилось для меня с личным ощущением тоски по собственной фантазии об утраченной средиземноморской родине – именно так я взялся за масштабное исследование многообразных способов, с помощью которых обитатели Средиземноморья на протяжении тысячелетий просеивали и переосмысливали свой опыт реальности. Опыт этих людей, которые жили и умирали в социальных условиях, совершенно отличных от того общества, в котором жил я сам, ощущался мною скорее знакомым, нежели далеким. Изучение того, что осталось от их текстов и материальной культуры, позволило мне осознать, как множеству простых людей – не только философов и теологов, для которых подобные умозрения являются профессией, – удавалось жить между «здесь» и «там», между воображаемыми представлениями о времени и пространстве, характерными для их общества, где этих людей могли приводить к покорности и наказывать, и иной плоскостью, где всё, что их окружало, было плодом их собственного воображения.

Это не уникальная особенность Средиземноморья – однако именно в Средиземноморье у этой воображаемой практики сформировался ряд специфических черт, делающих ее достойной особого внимания.

В истории Средиземноморья были моменты блестящей славы – вспомним о цивилизациях Древнего Египта, античных Греции и Рима, арабов и османов, чье влияние на мировую историю и культуру невозможно переоценить. Однако за каждым из этих пиков следовала катастрофа апокалиптического масштаба. Всякая великая средиземноморская цивилизация в итоге рушилась и распадалась в ходе событий, которые по праву можно называть «концом света», увлекая за собой людей, принявших ее культурные ценности в качестве своих. Падение цивилизации – это не только обветшание ее социальной ткани вместе с политической, экономической и технологической инфраструктурой. Это еще и дезинтеграция присущих ей общих представлений о природе мира, привычно служивших воображаемым основанием осмысленной жизни. Когда эти фундаментальные ценности ослабевают, а затем и вовсе рушатся, сквозь трещины космоса начинает просачиваться хаос.

Народам Средиземноморья пришлось противостоять затяжной череде травмирующих событий, сопровождавшихся реальными катастрофами – войнами, голодом и эпидемиями. В ответ на эти циклические апокалипсисы они выработали диапазон радикальных стратегий выживания. Всякий раз,

когда исторические потрясения разрушали их материальный и нематериальный миры, многие обитатели Средиземноморья решались отправиться на поиски иного места, где снова могли бы процветать. Эти пространственные миграции были вызваны не только экономическими соображениями, как произошло, например, с автором этой книги и его семьей, – самое главное заключается в том, что люди еще и перемещались за пределы пространства и времени, за пределы Истории. Вместо того чтобы цепляться за ценности мира, уходящего в прошлое, или принимать ценности новых восходящих держав, они брали на себя смелость направляться в ту исходную точку воображения, где новые идеи и ценности можно извлечь из бесконечной виртуальности возможного.

Этим дезертирам Истории приходилось сталкиваться с враждебным отношением со стороны как тех, кто сохранял связи со старым миром, так и тех, кто возвещал триумф нового порядка. Попытки обрести иную реальность зачастую были авантюрами одиночек, и даже когда людям удавалось объединяться, большинство их предприятий заканчивались крахом. История не проявила особого сострадания к таким сообществам, как последние язычники Античности, адепты манихейства или иудейские мистики времен итальянского Возрождения. Всех их последовательно уничтожали на корню, а их доктринам не удалось возобладать в качестве новых общих представлений о природе мира. Однако, несмотря на это поражение, изобретенные ими новые *cosmoi* (все-

ленные – *греч.*) сохранялись как свидетельства того, что человеческое представление о мире способно выпутаться из господствующих социальных сил, а хаос реальности можно облечь в сюжеты, возникающие из индивидуальных страданий и желания жить.

Эти переселенцы в иные миры и их поэтические изобретения молчаливо сопровождали меня на протяжении многих лет, пока я наконец не решился написать книгу об их поражениях, достижениях и уроках. В отличие от других исторических сочинений о Средиземноморье, в задачи этой работы не входит ни всеобъемлющее описание событий, происходивших в этой части планеты, ни тем более сжатое изложение величайших моментов его истории. Мы обратимся к периодам кризисов, в ходе которых народы Средиземноморья мучительно переживали катастрофические трансформации, которые нельзя было ни обратить вспять, ни противостоять им, – в этой ситуации оставалось разве что отправиться в какой-то воображаемый иной мир.

Наше путешествие по средиземноморскому воображению начнется в Месопотамии и Египте в компании богов и героев, посреди несмолкающего шума сражений космического масштаба, положивших начало созданию Вселенной. Чтобы отыскать самые первые сюжеты, которые помогали людям обретать смысл в абсурдности бытия и компенсировать неизбежность смерти, нам предстоит прислушаться к голосу мифов (глава 1).

Затем мы отправимся на восток, в Персию и за ее пределы, по пути, проложенному Александром Македонским за недолгие годы его жизни, – и в особенности после его смерти. Истории, поведанные сказителями, помогут нам увидеть цепочку реинкарнаций великого завоевателя, который во многих культурах стал народным героем и образцом человека, способного преодолевать любые застывшие формы идентичности (глава 2).

Третью остановку на нашем пути мы сделаем в поздней Античности, в те беспокойные столетия, когда происходило обрушение Западной Римской империи. Здесь нам предстоит проникнуть в тайные доктрины нескольких тогдашних визионерских сект – богоненавистников-гностиков, экстатических последователей Гермеса Трисмегиста (герметистов) и адептов Единого, – проследовав туннелями, которые они проложили сквозь сдавливающие стены своей эпохи в поисках иных миров за пределами Вселенной (глава 3).

Далее мы перенесемся в Средневековье – опасные течения межконфессиональных войн будут задавать обширную географию нашего путешествия: Машрик¹, Магриб, Пире-

¹ Машрик (Эль-Машрик) (*араб.* «там, где восход») – многозначный топоним арабской географии. В Средние века он обозначал земли к востоку от ядра исламского мира (Индия, Китай, острова Индийского и Тихого океанов и т. д.) в противовес Магрибу (*араб.* «закат»), территориям Северной Африки к западу от Египта. В современном арабском языке термин «Эль-Машрик» обычно используется как собирательное наименование Ирака, Сирии, Израиля, Иордании, Палестины, Ливана и Кувейта, а также к нему могут относиться Египет, Аравийский полуостров и Судан. На карте, помещенной в начале книги, Машрик лока-

нейский полуостров и Италия. Обратившись к восхождению ислама, затем к крестовым походам и христианской реконкисте в Испании, мы проследуем за несколькими поколениями переводчиков, которые пытались преодолеть разрыв между культурами, находившимися в состоянии войны друг с другом. Биографии и труды этих людей демонстрируют те вызовы и уникальные возможности, которые сопряжены с положением «гражданина несуществующей страны» (глава 4).

Маршрут пятого эпизода нашего путешествия – открытое море с бурными волнами, где в начале Нового времени – эпохи раннего Модерна (Modernity) – разворачивались приключения тысяч пиратов и рабов. Истории людей, которые стали вероотступниками, меняя родину и веру, чтобы начать новую жизнь в новом мире, продемонстрируют спасительные достоинства изменничества и горизонты воображения, которые способны раскрыть «дезертирство» (глава 5).

А завершится это путешествие уже в наше время, в период между катастрофой двух мировых войн и продолжающейся трагедией сегодняшних мигрантов, терпящих кораблекрушения в попытке преодолеть Средиземное море. Добираться в пункт назначения мы будем в компании писателей, художников, философов и издателей, которые сопротивля-

лизован на севере Аравийского полуострова. – *Здесь и далее под цифрами идут примечания автора, где при наличии русскоязычных источников сделаны соответствующие замены, под астерисками – примечания переводчика.*

лись призыву XX века – братья за оружие – и вместо этого отправились на поиски некоего тайного мира, лежащего по ту сторону полей сражений. Вместе со скитальцами наших дней, бросающими вызов установленному порядку одной лишь силой своих тел, мы подберемся к границе завтрашнего дня, к тем воображаемым картинам, которые формируют Средиземноморье будущего (глава 6).

В каждой из глав перед нами откроется арсенал историй, в основном из дошедших до нас исторических, философских и мифологических текстов, а в самом конце книги мы обратимся и к художественной литературе, не утратившей способности сотрясать наше понимание реальности. Для сегодняшней эпохи, когда на смену давно сложившимся представлениям о «природе» и «фактах» приходит новый режим мышления в категориях постприроды и политики постправды, эксперименты воображения, рассмотренные в этой книге, звучат особенно настоятельным приглашением к возобновлению процесса миростроительства, который начинается прямо с экзистенциальных мук в сердце каждого.

Но у историй средиземноморского воображения имеется еще одно свойство, благодаря которому они оказываются исключительно важными для нашей эпохи. Все те теоретические школы или общины еретиков, с которыми нам предстоит познакомиться ниже, представляют собой гибриды, которые невозможно отнести к какой-либо конкретной культуре, этничности или географической локации. Из-за постоян-

ных катастроф и череды завоеваний, обрушившихся на Средиземноморье, населявшие этот перекресток «среди земель» народы никогда не были разделены строгими границами. Их культуры, этничности и религии всегда пересекались, и это пересечение создавало из множества враждебных друг другу идей, традиций и ценностей однородную синкретичную ткань.

Сегодняшние политики настаивают на интерпретации вызовов многополярного мира в категориях жестких различий – примерами тому служат воинственная риторика столкновения цивилизаций, понимание интеграции как культурной игры с одним победителем и множеством побежденных (*zero-sum game*), мозаика четко обособленных друг от друга идентичностей под соусом мультикультурализма. Средиземноморье, напротив, предлагает альтернативный способ превращения встречи разных воображений в созидательный момент. Наряду с поэтическим миростроительством во времена катастроф, еще одной путеводной нитью этой книги выступает синкретизм. Исследование средиземноморского воображения поведет нас по размытым следам сплетенных воедино космогоний (глава 1), культур (глава 2) и религий (глава 3) с прицелом на перспективу, где отсутствуют прочные границы между цивилизациями (глава 4), этническими группами (глава 5) или нациями (глава 6).

Эти исходные замечания не должны вводить читателя в заблуждение, что перед ним строгое философское исследо-

вание. Для людей, принявших творения средиземноморского воображения в качестве собственного мира, их сила заключалась не столько в безукоризненности их концептуальной структуры, сколько в очаровании сюжетов. Даже самая утонченная теория останется бесплодной без свойственного литературе качества иммерсивности. Если теория не предстает в качестве сюжета, который можно пережить, в качестве ролевой игры или театральной пьесы, она не сможет предложить убедительную иллюзию смысла, а стало быть, не будет воспринята как пригодный для жизни «мир».

Здесь присутствует и своевременный урок: если рациональные дискурсы наподобие философии и науки претендуют на то, чтобы предложить структуру смысла для человеческой жизни, то им следует осознать себя – по меньшей мере отчасти – в качестве форм литературы. Если философия и наука рассчитывают сделать свое твердое логическое ядро пригодным для живых существ, то они не должны забывать о необходимости превращать его в мягкую повествовательную субстанцию.

Поскольку бесконечный хаос реальности всегда выходит за пределы любой абстрактной системы, следует признать, что любые наши попытки свести его к осмысленному космосу оказываются всего лишь «вероятными сюжетами», напоминающими *eikos mythos* (правдоподобные мифы – *греч.*) в «Тимее» Платона, для которых «пористость» литературы одновременно оказывается и напастью, и дарованием. Лю-

бой абстрактный мир, который мы можем придумать, в конечном итоге выступает для нас жизненной историей, и лучшими из этих миров оказываются не те, что ближе подбираются к абсолютной истине за рамками нашего разумения, а те, которые обладают достаточным простором и гибкостью, чтобы выступать в качестве воображаемого дома, где появляется возможность достойной жизни для всех.

Следовательно, эта книга представляет собой не линейное историческое повествование, а протяженную арабеску из переплетенных и вложенных один в другой сюжетов. В зазорах между этими космическими фантазиями мы увидим беспокойное присутствие хаоса – ту тьму, из которой рождаются любые миры.

Впереди нас ждет долгое путешествие в компании героев со всех концов Средиземноморья и из-за его пределов. Главными действующими лицами наших историй окажутся люди, не имеющие постоянного дома или идентичности, – иноземцы на чужбине. Как древние, так и современные герои этого типа упорно ищут способ справиться с травмой ощущения радикальной отверженности – заброшенности в мир, который их не признает и который сами они не считают своим собственным. Чтобы перебросить мост через это бездонное ощущение оторванности от корней, каждый из этих персонажей станет по-разному использовать свое воображение – напоминание о том, что судьбы человеческие строятся на шатких и фантастических основаниях. Но даже в тех

случаях, когда кто-то из наших героев терпит крах, их истории увенчиваются счастливым концом. На какое-то короткое время – мгновение или жизнь одного поколения, в узком пространстве написанной строки или во внезапном прозрении иного космоса, – им удастся заново выстроить мир вокруг себя, где потребность в корнях больше не ощущается насущно и остро, поскольку дом теперь находится везде.

Надеюсь, я сумею передать ощущение средиземноморского воображения как вечного танца лета и зимы, в котором партии космоса и хаоса переплетены и порой неотличимы друг от друга. Такие же танцевальные движения я наблюдал в детстве, во время сохранившихся в моей памяти рождественских каникул, когда мы возвращались в Палермо. После приземления в аэропорту в Пунта-Райзи низкие облака обволакивали пальмы вокруг парковки странной атмосферой ожидания. Нас, закутанных в теплые пальто, приезжали встречать родственники, а вечером, за ужином, вместо мороженого они ставили на стол зимний десерт – липко-сладкую марципановую кассату. И вот однажды, стоя на балконе квартиры моей бабушки, я увидел, как облака разбиваются о бежевый ряд многоэтажек и над городом появляется чудесное солнце. Мы поспешили к машине и направились через окраины к пляжу Монделло². Уличные торговцы внезапно выросли из-под земли, и на их тележках было полно фруктов и овощей. Пляж за металлической оградой, идущей

² Популярная курортная зона, расположенная к северу от Палермо.

вдоль еще мокрого от дождя тротуара, кишел людьми в купальных костюмах. Поглощенный шумом, который издавали купальщики, и слабым запахом солнцезащитного крема, я почувал синеву того невозможного лета. Времена года сменяли друг друга так быстро – в течение одного дня, – что я не мог поверить, будто между ними когда-либо была настоящая граница. Я с содроганием подумал, что там, в бесконечном пространстве, нет никакого лета или зимы. Там, в окружающей наш мир ночи, существует лишь безвременная пустота. Но здесь, в нашем мире, любое мгновение лета, сколь бы коротким или невероятным оно ни было, становится для нас праздником. А затем так же внезапно, как солнечный свет в тот день, в руках моей бабушки появился рожок с мороженым. Я схватил его, и все мои рассуждения развеяло чудо летнего дня, пробившегося сквозь зиму.

I. Смертные. Бронзовый век

1

До Всемирного потопа Средиземноморье было красочной землей. Из каньонов, рассекавших засушливые равнины, вздымались светящиеся соляные громады розового и белого цвета. Молочные воды озер, испаряясь в солнечном свете, усеивали ландшафт опаловыми зеркалами, отражающими облака. Стада антилоп паслись на равнинах из красной глины, покрытых скудной растительностью, а среди нетронутых залежей серого халцедона рыскали грызуны. Вдоль тропинок с сочной зеленью по берегам рек бродили слоны и бегемоты, которые свободно перемещались между Африкой и Европой.

На западе непрерывная горная цепь, протянувшаяся от Пиренейского полуострова до Марокко, выступала гигантской дамбой, отделявшей Атлантический океан от Средиземноморской впадины. С севера, востока и юга ее окружали земли трех континентов, а сверху, с небес, еще не населенных богами, за неощутимым движением тектонических плит взирало солнце Мессинской эпохи³.

³ Мессинская эпоха – геологический период, датируемый около 5,5 млн лет на-

Не считая редких извержений вулканов, эрозии почв под воздействием ветров и испарения внутренних озер, равновесие в этом иссохшем Средиземноморье сохранялось более 600 тысяч лет. Генерации растений и животных сменяли друг друга, распространяясь по необъятным просторам суши. Но затем что-то стало меняться. Год от года волны Атлантики всё сильнее бились о кромку Западных гор. Песчаные побережья исчезали, проглоченные океаном, во внутренних территориях Средиземноморья разрастались соленые болота, которым удавалось даже карабкаться по подножиям гор. Воздух сотрясал шум падавших в воду валунов, и нарастающие волны размывали ауру вечности, некогда окружавшую прибрежные скалы. Казалось, спокойное соседство Океана и Суши прекратилось, и они вступили в борьбу друг с другом.

Однажды – этот момент не нашел отражения ни в одном историческом сочинении – для горной дамбы настал последний час. Прибой продолжал накатывать на ее вершины – привычная с недавних пор картина для пролетавших мимо птиц, – но вот еще одна волна ударила в скалы, и из горных глубин раздался грохот. Небо заполнил взрыв, будто разбивший скалы вдребезги, и апокалиптический грохот подавил все звуки на большом расстоянии вокруг. Верхушка горы

зад, когда Средиземное море из-за тектонических движений земной коры, нарушивших его связь с Атлантическим океаном, почти полностью высохло. Происхождение термина связано с исследованиями, которые в 1867 году швейцарский геолог Карл Майер-Аймар проводил близ Мессины на востоке Сицилии.

подломилась у основания, и остальная масса рухнула в долину к востоку от хребта. Стаям птиц удалось выпорхнуть из листвы, но месиво из животных, деревьев, земли и камней исчезло в облаке пыли. Сквозь открывшийся узкий проход с чудовищным ревом хлынули волны Атлантики – горизонтальный водопад, гремячая река, которой не было равных. Казалось, в этот пролом устремились воды всех океанов, как будто каждой капле хотелось первой отвоевать землю, некогда принадлежавшую первобытному океану Тетис.

Менее чем за год вода заполнила весь средиземноморский бассейн от Гибралтара до Сицилии. Взяв небольшую паузу у второй горной цепи, соединявшей Ливию и Италию, вода затем прорвала и ее и затопила низменности, простиравшиеся до границ Ближнего Востока. Засушливые долины, сверкавшие всевозможными цветами соляные холмы, русла рек с пышной растительностью, птичьи гнезда, спрятанные среди деревьев, каньоны и холмы – всё погибло. Катастрофа пощадила лишь самые высокие плато.

Твари, пережившие потоп, были отрезаны от привычных путей миграций. Одни из них в поисках спасения долго пробирались вдоль берегов новоявленных полуостровов. Другие оказались пленниками одиноких островов, где было мало хищников, зато установившийся влажный климат позволял рассчитывать на бесконечное изобилие растительной пищи. Отрезанные от внешнего мира и свободные от тягот прежней суровой среды, слоны на Сицилии и бегемоты на Ки-

пре стали уменьшаться в размерах. Среди птиц и насекомых, дезориентированных меняющимся ландшафтом, появлялись новые группы, принимавшие всё более разнообразное обличье.

Так возник новый мир, которому предстоит просуществовать миллионы лет. Именно в этом новом мире состоялась первая встреча со Средиземным морем отрядов первобытных людей, появлявшихся из Африки и Азии⁴.

О чем думали эти люди, когда впервые шли по его берегам? Как они представляли себе природу и существо этого только что обнаруженного моря? Было ли у них хоть какое-то представление о потопе, который случился до их появления?

Заглянуть в мысли и воображение этих людей было бы и правда заманчиво. Однако о первых обитателях Средиземноморья мы знаем не больше, чем о предшествующих геологических эпохах. Единственным свидетельством их существования выступают обнаруженные археологами полустертые следы их жилищ, рисунков, орудий труда и костей. Ничто не может помочь нам забраться этим людям в голову. Даже когда находки допускают ту или иную интерпретацию, из

⁴ Geological Evolution of the Mediterranean Basin / eds. D. J. Stanley, F. C. Wezel. New York, Berlin: Springer, 1985; *Garcia-Castellanos D. et al.* The Zanclean megaflood of the Mediterranean – Searching for Independent Evidence // *Earth-Science Reviews*. Vol. 201. 2020; *Blanc P. L.* The Opening of the Plio-Quaternary Gibraltar Strait: Assessing the Size of a Cataclysm // *Geodinamica Acta*. Vol. 15. 2002. P. 303–317.

этого невозможно составить представление о сюжетах, которые разворачивались в их внутреннем мире.

Главная проблема, разумеется, заключается в отсутствии письменных свидетельств. Без текстов любые гипотезы относительно систем верований или социальной организации этих людей могут носить по большому счету лишь произвольный характер. Сравнение с единичными коллективами, которые и сегодня живут в условиях «палеолита», не слишком продуктивно. Между жизненными ситуациями современного народа сан (бушменов), с трудом находящего пропитание на клочках земли в Южной Африке, и первых обитателей Средиземноморья, перед ногами которых лежали целые континенты, мало общего. В отсутствие письменных свидетельств археологи и этноантропологи могут лишь строить догадки о том, что именно происходило в сознании доисторических людей, либо проецировать на них собственные представления⁵.

Возможность проследить самый ранний эпизод развития средиземноморского воображения появляется лишь с возникновением письменности в IV тысячелетии до н. э. Чтобы обнаружить первые сюжеты, при помощи которых жители

⁵ *Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire: Paléolithique. Paris: Presses Universitaires de France, 2006.* Более оптимистичное, хотя и в любом случае не лишённое критики представление о возможности интерпретации доисторического воображения см. в: *Элиаде М. Вначале... Магико-религиозное поведение человека эпохи палеолита // М. Элиаде. История веры и религиозных идей / пер. Н. Кулаковой, В. Рокитянского, Ю. Стефанова. Т. 1. М.: Критерион, 2001 С. 9–31.*

Средиземноморья осмыслили свой мир, необходимо совершить затяжной прыжок через эпохи, оставив далеко позади палеолитические племена и неолитические деревни. Сжав тысячелетия в несколько строк, мы отправляемся в эпоху расцвета цивилизаций Месопотамии и Египта и в качестве путеводаителя обратимся к табличкам с письменами и настенным росписям, возникшим на засушливых землях северо-востока Африки и Ирака. Из дошедших до нашего времени фрагментов мы узнаем о самых ранних мифах, повествующих о заре творения, о силах, которые боролись за господство над Вселенной, и о месте, отведенном в структуре космоса таким несчастным тварям, как люди.

2

Мифы лучше всего воспринимаются на слух. Столетиями они передавались из уст в уста, из поколения в поколение и лишь затем обрели письменную форму. Когда звучал миф, слушатели закрывали глаза, забывали обо всём, что их окружало, и внимали истории, разворачивавшейся в полумраке их собственного внутреннего театра. Боги и богини, герои и чудовища появлялись на этой воображаемой сцене, где каждый создает осмысленную историю собственной жизни в мире, однако с появлением мифологии этот процесс утратил привычную дискретность. Если в повседневной жизни рассуждениям о «добре», о собственной идентичности, о пра-

вилах «природы» отведено довольно скромное место, чтобы они могли сложиться в прозрачный поток рационального мышления, то мифы с их безудержным гомоном всецело завладевают нашей внутренней сценой. Их необузданность и жестокость призваны не вызвать шок, а сорвать с человеческого воображения тот покров, из-за которого его механизмы обычно остаются незаметными. Даже если мифы выглядели неправдоподобно и одновременно требовали, чтобы в них верили, это должно было напоминать слушателям, что такое же противоречие свойственно и тем приземленным мыслям, которыми они населяют свой внутренний мир.

Рассмотрим, к примеру, базовые идеи, на которых основан наш собственный опыт повседневной жизни. Можем ли мы считать себя уникальными индивидами, обладающими собственным именем и характером, если мы прекрасно знаем, что наше живое тело является постоянно меняющимся порождением бесчисленных микроорганизмов, находящихся в симбиозе с окружающей средой? Можем ли мы делать вид, что нас окружает мир, состоящий из дискретных объектов, понимая, что одна и та же невыразимая искра бытия органично соединяет и поддерживает все компоненты пространства? Может ли у нас сохраняться представление о линейном времени, если одного мгновения паники или скорби достаточно, чтобы прошлое, настоящее и будущее слились в единый миг, лишенный длительности? Тем не менее нам приходится держаться за эти фикции. Нам приходится ве-

ритель, что всякий человек индивидуален, что любой предмет пребывает сам по себе, а вчерашний день отличается от завтрашнего. Откажись мы от возможности осмыслять реальность при помощи этих фикций, окружающий нас мир превратится в хаотичное пространство и мы не сможем вынести абсурдности жизни.

В этом-то и заключается потребность в мифологии – и в древности, и в современности. Слушая невероятные истории о богах и героях, мы отрабатываем механизмы, при помощи которых сами каждый день заставляем себя быть кем-то, идти куда-то и преследовать какие-либо цели. Мифы представляют собой окна, которые распахиваются в закулисное пространство нашего воображения, где сценография мира обнажает свои подмости. Мифы беспокоят и одновременно успокаивают. Они демонстрируют, что те идеи, на которых основана наша жизнь, являются фикцией, однако эта фикция помогает нам вытерпеть наше положение смертных существ, заброшенных в бесконечность Вселенной. Они превращают наше беспокойное барахтанье в хаосе в ощущение, что мы идем по прочному мосту, и учат смотреть на бездну сквозь оптику, которая делает ее тьму не столь густой. Они показывают нам, что мечты и догмы, фантазии и законы вылеплены из одного теста, а идеологемы, господствующие в социуме, не опираются на какую-либо «естественную» легитимность. Мифы воодушевляют тех, кто волей своих человеческих собратьев лишился дома в угоду какой-то вы-

мысленной истории, – этим изгнанникам мифы демонстрируют, что и они могут использовать истории для поиска своего пристанища.

В первую очередь мифы учат нас, что мы сами являемся историями и, подобно любим историям, мы существовали до своего появления на свет и переживем свой конец.

3

В начале был потоп – темная, древняя, бескрайная стихия без начала. Вода покрывала весь мир, и весь мир был водой. Мир не имел конца и края. Это была священная, изначальная, женственная вода. Египтяне называли ее Нун. Нун окружала лишь ее собственная тьма. В глубочайших безднах ее водяного тела свободно плыли два крошечных инертных существа, подобные семенам. Этими нерожденными детьми Нун были два начала – добро и зло, существование и уничтожение: сокрытый бог Амон и пожиратель миров Апоп. До сотворения времен они спали внутри Нун. Однажды, в незапамятный момент, из бесконечных глубин Нун поднялся таинственный предмет. Он всплыл цветком голубого лотоса, и когда его листья легли на темную поверхность, раскрылись синие лепестки. В их центре молча сидело обнаженное дитя-андрогин. Оно открыло глаза, раздвинуло губы, и сквозь тьму из рта его раздался чудовищный крик.

В тот же миг неуловимое движение нарушило спокой-

ствие вод бездны, над которыми находился ребенок. Это Апоп, разрушительное начало, впервые всколыхнул свое змеиное тело, свернутое в спираль.

Так появилось время. Оно задало меру реальности, состоявшей лишь из трех элементов: Нун (вода), Амон (дитя) и Апоп (змея). Уставившись на бескрайнюю пустоту перед собой, Амон ощущал внутри себя нарастающее сокрушительное одиночество. Противясь этой пустоте, он превратил свою руку в богиню, а сам стал мужчиной. Своей рукой-богиней он ублажал себя, собирал свое семя и клал его в рот. Когда же он чихнул и сплюнул, из ноздрей его родился Шу – бог воздуха, а изо рта – Тефнут, богиня влаги и дождя. Породив этих существ, Амон стал называться именем Атум, «обладающий полнотой».

Именно так, согласно представлениям египтян, у мира появились первые обитатели. Воды раскрыли свой секрет, обернувшийся добром и злом, Амоном и Апопом, – всё остальное породила сила эмоций. Космос возник из печали и одиночества, а акт творения преобразил самого творца.

Еще одной первоначальной силой, создавшей Вселенную, было свербящее ощущение беспокойства, которое скрывается за существованием любого человека. Когда реальность впервые проявила себя, ее постигло преображение, посещающее родителя при рождении ребенка, художника при создании творения, мыслителя, которого осеняет идея. Человека и Вселенную поддерживают одни и те же основания,

приводят в движение одни и те же силы, связывает одна и та же хрупкая участь.

4

Иное представление о происхождении мира было у жителей Древней Месопотамии. Источником всего сущего здесь тоже выступали первозданные воды – Тиамат. Отличие заключалось в том, что у Тиамат были муж Апсу и сын Мумму, вместе с которыми она властвовала над реальностью. Из Тиамат без каких-либо мучений или желаний появилось множество других богов:

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что всё породила.

Воды свои воедино мешали,
Тростниковых загонов тогда еще не было,
Когда из богов никого еще не было,
Ничто не названо, судьбой не отмечено,
Тогда в недрах зародились боги⁶.

⁶ Энума элиш (Деяния богов, «Когда вверху...»), I, 1–9. Цит. по: Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии / пер. с аккадского В. Афанасьевой, И. Дьяконова. М.: Алетей, 2000. С. 35.

Новое поколение богов производило собственное потомство, пока мир не оказался населен сонмищем божеств. Каждый бог или богиня были наделены особыми силами. А там, где есть сила, растут и амбиции. Стремление привести первобытный хаос к порядку будоражило младшие поколения богов. Они собрались вместе, сговорились и приступили к обустройству нового космоса. Однако время было не на их стороне. Шумные споры младших богов насторожили их прародителей – Тиамат, Апсу и Мумму, которые решили восстановить первоначальный мир, стремительно уничтожив всех потомков. Известная историческая тенденция – старшее поколение поучает своих детей, пойдя против них войной, – возникла еще в самом начале существования Вселенной.

Когда весть о готовящемся нападении добралась до младших богов, они «заметались, после затихли, безмолвно сидели»⁷. Кто мог осмелиться открыто противостоять гневу прародителей? Тогда поднялся Эа, бог мудрости, который с помощью своего магического арсенала пробрался в тыл противника и заклинаниями усыпил Апсу и Мумму. Затем он умертвил Апсу, а Мумму обратил в рабство, утащив его за продетую сквозь нос веревку, как быка.

Война кончилась, не успев начаться. Из уважения к богине-матери ей была дарована пощада. Однако она не смирилась с поражением и создала нового бога по имени Кингу,

⁷ Энума элиш, I, 57–58. Когда Ану сотворил небо. С. 37.

которого сделала своим новым мужем. Тиамат родила множество новых чудовищ, составивших ряды ее полчища.

Гидру, Мушхуша, Лахаму из бездны она сотворила,
Гигантского Льва, Свирепого Пса,
Скорпиона в человечесьем обличье,
Демонов Бури, Кулилу и Кусарикку.
Безжалостно их оружие, в битве они бесстрашны!
Могучи творенья ее, нет им равных!⁸

Силы хаоса во главе с Кингу обрушились на устроителей порядка – и младшие боги затрепетали от страха.

5

Идея длящегося космического конфликта является постоянным элементом средиземноморских космологий. Особенно характерным мотивом был естественный враждебный раскол между отцом и первенцем. В древнегреческой мифологии Уран, первобожество неба, был свергнут своим сыном Кроном (Хроносом), который оскопил отца и выбросил его тестикулы в море. В свою очередь Хронос был свергнут своим сыном Зевсом. Вместе с каждой космической войной первозданный хаос постепенно сокращался, но оттого, что в мире появлялось больше порядка, он не становился луч-

⁸ Энума элиш, I, 141–145. Когда Ану сотворил небо. С. 39.

ше. Из золотого века правления Крона, когда никто не знал ни голода, ни нищеты, ни старости, ни смерти, а чудовища, люди и боги жили вместе в гармонии, мир незаметно перешел в серебряный век, затем и в бронзовый, пока наконец не погрузился в жалкий железный – и на этой сцене разворачивается нынешняя история человечества. Средиземноморское воображение никогда не выстраивало идею исторического «прогресса» и не выступало безоговорочным сторонником порядка. Однако даже порядка бывает слишком много: чем сильнее реальность оказывается стиснута в клетке идентичностей и различий, подобно реке, запруженной каскадом плотин, тем ближе подступает момент, когда хаос вырвется наружу и вновь поглотит всё.

В архаичных представлениях последовательное движение к порядку, а стало быть, и к катастрофе – непреодолимо. Однако ответственность не всегда лежит на молодых поколениях. Порой верный путь к саморазрушению начинался с того, что не младшие, а старшие боги начинали сражаться со своими детьми.

Именно такая ситуация сложилась в семействе Атума, египетского бога-демиурга. Его дети Шу и Тефнут покинули отчий дом сразу после рождения, чтобы исследовать Вселенную. Тогда Атум вырвал из своей головы Глаз – самостоятельное женское божество и отправил его на поиски непокорных детей с целью вернуть их домой. Поскольку никаких других кандидатов для создания пары у них не было, Шу и

Тефнут соединились друг с другом и произвели на свет двух детей – Геба, бога земли, и Нут, богиню неба. В отличие от своих родителей, покинувших дом в поисках приключений, Геб и Нут не испытывали желания странствовать. Чувством, которое ими руководило, была любовь – столь страстная, что наедине друг с другом они теряли четкие очертания, становясь одним целым. Это новое поколение, казалось бы, могло обратить вспять нисшествие космоса к порядку, вернув реальность к ее исходному хаотическому единству.

Но, обеспокоенные последствиями союза Геба и Нут, родители решили разорвать их объятия. Их отец Шу, бог воздуха, проскользнул между ними и, вытянув руки вверх, поднял тело Нут, оттолкнувшись ногами от сына Геба, который так и остался лежать без движения – лишь одинокий фаллос его указывал в сторону сестры, а гневный взгляд – в направлении отца.

Так Шу создал атмосферу – воздушное пространство между небом и землей, где могла процветать жизнь, а у солнца было достаточно места для восхода. Это был «незабываемый момент», озаренный золотисто-розовым светом самого первого восхода солнца, а вытянутые вверх руки Шу стали символом жизни, увековеченным в иероглифе, обозначающем *ка* – жизненную силу тела и души.

Тем временем в Месопотамии война между поколениями богов достигла апогея. Воинство чудовищ Тиамат во главе с ее новым мужем Кингу было готово ворваться в лагерь младших богов и сокрушить их планы по устройству нового космического порядка. Чтобы остановить это наступление, навстречу им был отправлен Эа, бог мудрости, чья магия принесла победу в первой войне. Но от одного лишь вида полчищ Тиамат, собравшихся на равнине, сердце Эа содрогнулось, и он бежал. Тогда вперед был выставлен еще один бог – Ану, «могучий герой»⁹. Но и с ним приключилось то же, что и с Эа: утратив мужество перед видом врага, Ану воротился назад. Младшие боги были в растерянности. У них не было войска, чтобы противостоять полчищам Тиамат, и потому им требовался лидер, способный выиграть эту войну в одиночном бою. Их последней надеждой стало божество, которое не входило в сонм младших богов и потому уступало им рангом, но чья военная слава достигла даже их ушей, – «доблестный Мардук!»¹⁰

Договариваться с Мардуком младшие боги послали мудрого Эа, подобно тому как в «Илиаде» военный совет греков направляет хитроумного Одиссея, чтобы тот убедил Ахилла

⁹ Энума элиш, II, 73.

¹⁰ Энума элиш, II, 95.

снова взяться за оружие. Однако Мардук, как и Ахилл, не спешил сражаться. И если Ахилл потребовал, чтобы перед его возвращением в бой ему были возданы публичные почести, то Мардук в обмен на помощь в борьбе с Тиамат захотел обрести статус правителя:

Если я мстителем за вас стану,
Чтоб Тиамат осилить и спасти ваши жизни, —
Соберите Совет, возвысьте мой жребий,
В Убшукине радостно все вместе воссядьте,
Мое Слово, как ваше, да решает судьбы¹¹.

Сколь бы неприятно ни звучало предложение Мардука для божеств, отказаться от него они не могли. Либо они позволят богам из низшего пантеона взойти на вершины власти, либо скоро их самих одолеют силы хаоса.

Но прежде чем признать этого чужака своим предводителем, младшие боги потребовали, чтобы он продемонстрировал им свою божественную силу. Призвав Мардука на суд своего собрания, младшие боги показали ему звезду и заявили:

Промолви же Слово – звезда да исчезнет.
«Вернись!» – прикажи – и появится снова!¹²

¹¹ Энума элиш, II, 123–128. Когда Ану сотворил небо. С. 40–41.

¹² Энума элиш, IV, 23–24. Когда Ану сотворил небо. С. 42.

Мардук подчинился. Заговорив, он заставил звезду исчезнуть силой своих слов, а затем таким же способом возникнуть вновь. Месопотамский язык, подобно *логосу* (речи) греков, *ху* (изречению) египтян и *вербуму* (слову) христиан, был силой, способной творить чудеса.

Суд младших богов ликовал – теперь у них был свой герой. Мардук же готовился к битве.

7

«Война – отец всех и царь всех», – утверждал греческий философ Гераклит¹³. Представление о том, что конфликт лежит в основе мира, было общим для средиземноморских мифологий древности. А поскольку все силы, ведущие борьбу за космическое первенство, порождены одной и той же Вселенной, война между ними по своей природе является братоубийственной.

Для воображения древних египтян братоубийство стало ключевым элементом финальной части их мифологии, посвященной судьбам второго поколения богов. После того как Геб и Нут были разлучены своими родителями, на свет появились плоды их союза. Их детьми, возникшими из тела Нут, были Осирис, Сет, Исида и Нефтида – два сы-

¹³ Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / пер. А. Лебедева. М.: Наука, 1989. С. 21.

на и две дочери, комбинация, гарантирующая дальнейшее потомство. Однако, в отличие от их родителей, для этого нового поколения любовь не была единственной побудительной силой. Двое детей, Осирис и Исида, действительно были настолько влюблены друг в друга, что вступили в связь еще до своего рождения. Но их брата и сестру будоражили иные эмоции. Сета и Нефтиду, тоже ставших супругами, с остальными членами их семьи связывали зависть и ненависть. Судьба не проявила к ним благосклонности. Если Осирису и Исиде было вверено правление Египетским царством (оказывается, оно существовало уже тогда!), то Сету и Нефтиде досталась всего лишь суровая глушь Ливийской пустыни. Вместо наслаждения пышными берегами Нила им пришлось довольствоваться бесконечно однообразными песчаными пейзажами.

Однажды Сет вместе с несколькими приспешниками отправился на царский пир, устроенный Осирисом в своем дворце. Они явились туда с подарком, торжественно поместив его в центре залы, – это был большой открытый и пустой деревянный ящик, превосходно украшенный изнутри и снаружи. Таких ящиков – длинных и прямоугольных – прежде никто не видел. Сет со спутниками утверждали, что дар сей предназначен тому, чье тело будет точно соответствовать его размерам. Осирис был взволнован, как ребенок, и настоял, что попробует забраться в ящик первым. Ему лег-

ко это удалось, и когда Осирис обнаружил, что его кончики пальцев и макушка без малейшего стеснения помещаются внутри этого чудесного предмета, он пришел в восторг. Он не мог налюбоваться яркими изображениями, украшавшими деревянные стенки, но мгновение спустя на него опустилась тьма. Сет и его приспешники запрыгнули на ящик и запечатали его крышкой. Осирис, оказавшийся в ловушке, почувствовал внезапный толчок, когда его похитители подняли саркофаг. Они вытащили его из дворца, отнесли на берег моря и швырнули в волны – в Средиземное море, воды которого слишком уж напоминали воды Нун. В них утонувший Осирис и нашел свою смерть.

Вернувшаяся во дворец Исида принялась искать своего брата и мужа повсюду: в городах, в пустыне и на берегах рек, отправившись в далекие путешествия за пределы Египта и за море. И лишь спустя годы поисков, оказавшись в Ливане, стране кедровых деревьев, она обнаружила саркофаг с Осирисом, вделанный внутрь сладко пахнущего живого ствола. Плачущая Исида отправилась с саркофагом обратно в Египет, в тот самый дворец, где прошло их счастливое время вместе с Осирисом.

Египетские боги были подвластны проклятию смерти. Они жили долго, но небесечно и подобно простым смертным тоже жаждали бессмертия, которого можно было достичь лишь с помощью погребальных обрядов. И вот, пока Исида занималась подготовкой этого ритуала, Сет снова по-

слал своих приспешников во дворец, чтобы те выкрали тело его брата – и, разрубив его на четырнадцать частей, разбросали по всему Египту.

Вновь Исида осталась одна – и вновь отправилась в дорогу.

8

Но давайте сделаем небольшую паузу, оставив Тиамат и Мардука, Исиду и Осириса застывшими посреди спектакля нашего внутреннего театра.

Еще до того, как погрузиться в египетскую и месопотамскую космогонию, мы задумали отправиться на поиски способов, при помощи которых народы Средиземноморья преодолевали ощущение радикальной дестабилизации и пытались справиться с опытом катастрофы. Едва обратившись к мифологии, мы столкнулись с первой из этих катастроф – и она состоялась не в конце, а в начале мира. Есть ли событие более тревожное и дестабилизирующее, чем рождение во Вселенной, о которой нам известно очень мало? А меньше всего мы знаем, почему эта Вселенная существует и почему мы существуем в ней. Помимо наших собственных радостей и страданий, а также горизонта смерти, опоясывающего наше конечное существование, ни одна из граней реальности никогда не раскрывается перед нами полностью. Ответом на это замешательство и выступают мифы о происхож-

дении Вселенной, являющие нам тот смысловой пласт, где мы можем позволить себе небольшую передышку, оглядываясь вокруг без страха, что нас поглотит бесконечная Вселенная. Мифы творения не разрешают загадку реальности, но им под силу завязать ее в магические узлы, образуемые переплетением мифологических сюжетов.

Но как только Вселенная обретает форму, мифы принимают иную траекторию. Наступает время семейных драм, ревности, амбиций, войн между разными группировками божеств. Что же со всем этим делать? Как эти истории могут утихомирить метафизическую потерянность внутри каждого из нас или спасти нас от катастрофы?

За травмой рождения следует еще одна дестабилизирующая переменная: мы узнаем о существовании других людей, которые кажутся нам столь же непроницаемыми, как бесконечная Вселенная. Мы не можем быть уверены, реальные ли это существа или просто галлюцинации. И даже если они реальны, то мы не знаем, в какой степени они похожи на нас: испытывают ли они те же чувства, отзываются ли слова в их сознании теми же смыслами, что и в нашем собственном?

В то же время мы знаем, что существование других несет в себе тайну – столь же глубокую и непостижимую, как хаос, бурлящий под земной поверхностью. Более того, лицо другого человека смотрит на нас взглядом, пронизанным едва ли не божественной энергией. Кто же все эти окружающие

нас люди? Как нам следует вести себя по отношению к ним? Чего они хотят от нас – и что мы должны дать им? Как мы уже убедились, поведение богов из мифов по отношению друг к другу нарушало любые границы представлений о добре и зле. Их действия больше напоминали случайные изменения погоды, нежели предсказуемый результат поступков, направляемых этикой.

Боги, обитающие в темной субстанции, из которой произрастает реальность, не связаны этическими императивами, и, хотя им приходится подчиняться высшей Судьбе – космическому закону *тюхе*, как называли его греки, – этот закон никоим образом не является моральным. Кодекс поведения богов основан не на абстрактных идеях, а на непосредственности их действий. Их деяния задают форму реальности, очерчивая сферы дружбы и вражды, притяжения и отталкивания, точно так же как незадолго до этого боги создавали первоначальные структуры мироздания. Боги любят, не ощущая необходимости обращаться к идее «любви», и сражаются, не требуя морального оправдания своим войнам. Сам факт их аморальности выявляет пустоту любых представлений о добре и зле.

Подобно тому как мир является поэтическим результатом нашего воображения, этика имеет поэтическое основание в наших действиях, оказываясь тем непосредственным и решительным жестом, с помощью которого мы принимаем чужую боль как собственную или проецируем собственные

страдания на желания других. В этом и заключается (а)моральный урок мифов: наш этический выбор определяется именно действием, а не абстрактными идеями.

Но не будем долго задерживаться на подобных умозрениях. Давайте вновь закроем глаза и вернемся в тот внутренний театр, где мы оставили застывшими мифических героев нашей истории. Возвратимся в гущу их драм и сражений, где создается ткань нашего мира.

9

Если египетское святое семейство раздирали козни и предательства, то исход войны между двумя поколениями месопотамских богов решался непосредственно на поле боя.

Покинув собрание богов, Мардук вооружился тем, что содал сам, – красный оберег меж губ, в одной руке – противоядие, в другой – дубинка, сбоку лук и колчан. Позади Мардука, в резерве, ждали семь ветров, ураган, смерч и ливень. Узрев его мощь, младшие боги пришли в неистовство:

И тут вокруг него заматались, боги вокруг него заматались.

Боги, отцы его, заматались, боги вокруг него заматались¹⁴.

¹⁴ Энума элиш, IV, 63–64. Когда Ану сотворил небо. С. 44.

Взобравшись на свою штормовую колесницу, Мардук отправился к расположению воинства Тиамат. И не только не дрогнул сам, но одним своим видом обратил полчища чудовищ в бегство, испугался даже сам храбрый Кингу, военачальник и муж Тиамат. Направившись напрямик в сторону Тиамат, Мардук воззвал к этой почтенной и ужасающей матери всех богов:

Становись! Ты и я сойдемся в сраженье!
Когда это услышала Тиамат,
В мыслях помутилась, потеряла рассудок.
Взревела, вверх взвиваясь, Тиамат¹⁵.

Тиамат попыталась проглотить своего дерзкого потомка, раскрыв рот, но в этот момент Мардук направил в ее сторону свое войско ветров, чтобы удерживать челюсти Тиамат разинутыми. Он снял лук, наложил стрелу на тетиву и выстрелил Тиамат прямо в пасть – стрела пронзила ее внутренности и добралась прямо до сердца. Затем Мардук взялся за Кингу – подчинил его и заковал в кандалы. Тем временем в сражение вступили младшие боги, окружившие остальное воинство чудовищ, а Мардук вернулся к бездыханному телу Тиамат. Оно лежало перед ним на земле – это гигантское тело первых вод, лишённое жизни и сжавшееся до чистой материи. «Поражена», – презрительно заметил он и «рассек ее

¹⁵ Энума элиш, IV, 86–89. Когда Ану сотворил небо. С. 45.

тушу, хитроумное создал. Разрубил пополам ее, словно ракушку. Взял половину – покрыл ею небо»¹⁶. Ветрам Мардук приказал удерживать воду, вытекшую из Тиамат, а из другой половины ее тела создал Землю, и в результате созданный мир напоминал полог.

Итак, Небо и Земля возникли из войны, матереубийства и расчленения. Фундамент дома омыт кровью, а крышу сдавливают темные воды хаоса.

10

Исида тем временем бродила по бескрайней земле Египта в поисках рассеянных по ней останков своего брата и мужа Осириса. Она нашла тринадцать частей, кроме детородного органа. Вернувшись во дворец, богиня взялась восстановить из своих жутких находок тело Осириса: дабы скрепить рассеченные части, Исида оторвала длинный и узкий кусок полотна, на который соединила их своим магическим искусством, а новый фаллос для Осириса создала из золота. Затем, превратившись в ястреба, Исида воспарила над мумией Осириса. Взмахнув крылами, она наполнила его новым дыханием жизни. Едва он открыл глаза, как Исида вернулась в свое женское тело и совокупилась его золотым фаллосом. Так был зачат Гор – сын Осириса и Икиды, мститель за их

¹⁶ Энума элиш, IV, 136–138. Когда Ану сотворил небо. С. 46.

беды.

Месяцы беременности Исида ощущала горькое одиночество. Вернувшийся к жизни Осирис больше не был тем жизнерадостным богом, рядом с которым прошли годы ее юности. Его тело оставалось скрепленным бинтами, чтобы не развалиться на части, его золотой фаллос был отделен от туловища, тогда как кожа сделалась темно-зеленой, как лист плюща. Осирис превратился в «утомленного бога»: он был живым, но не жил по-настоящему. Вскоре он простился с Исидой и покинул ее, присоединившись к подобным себе существам – находящимся на грани между жизнью и смертью. Он стал Владыкой Подземного мира – грозным, но милосердным судьей душ на их последнем пути в загробную жизнь.

Тем временем подрос Гор – дитя Осириса и Исида. Мать изо всех сил старалась защитить сына как от Сета, его дяди, так и от того бурлившего внутри Гора гнева, который она ощущала. Но даже магическое искусство Исида не могло свернуть Гора с пути, предначертанного ему судьбой. Уверенный в себе юноша Гор, бог с соколиной головой, не собирается прятаться от Сета и отправляется на поиски своего дяди, решив раз и навсегда покончить с губительной для его семьи распрей.

Встреча двух богов произошла на краю пустыни, на границе между державой Сета и изобильным царством Гора. Разразившаяся битва отличалась небывалой яростью. Сет,

более сильный и искушенный, без труда ранил Гора, вырвав ему один глаз, затем одолел племянника, совершив над ним насилие. Но на стороне Гора – энергия юности, питаемая неистощимым исступлением. Сражение продолжилось – шли дни, годы, десятилетия... Наконец Гор нанес Сету мощный удар, который поверг того на землю, и тогда племянник отсек дяде тестикулы. В кровавом экстазе он был готов прикончить Сета, но как только Гор занес свое оружие для последнего удара, на поле битвы ворвалась Исида. Она громко кричала, требуя, чтобы сын остановился. Сет всё же приходился им родственником, а богам не пристало убивать друг друга. Своей магией Исида обездвжила пылавшего яростью Гора и позволила раненому и побежденному Сету вернуться в свою пустыню. Но как только ее заклятие спало, Гор повернулся к ней с тем же самым оружием, которое ему не удалось вонзить в своего дядю, и обезглавил ее.

Однако Исида не умерла, ибо была способна оживить любое тело, включая собственное, – не утратила она и любви к своему сыну. И всё же правление Гора началось под той же зловещей звездой войны, матерееубийства и расчленения, которая сияла в момент возникновения мира в Месопотамии.

11

Увидев, что его победа над Тиамат обернулась порабощением ее разгромленного воинства, Мардук был разгневан.

Но причиной его гнева было не сострадание, а солидарность с равными себе. Чем божественная природа чудовищ Тиамат отличалась от его природы? Кровь этих детей прародительницы, возможно, была связана с первоистокom даже больше, чем его собственная. Победой Мардука воспользовались младшие боги, вымещавшие свое недовольство на проигравших. Согласившись подчиниться Мардуку, младшие боги стали требовать, чтобы побежденные враги сделались их рабами. Остатки воинства Тиамат были отправлены возделывать поля Земли, собирать урожай и сжигать его в жертву младшим богам и их предводителю Мардуку.

Но Мардуку не приносил удовольствия ни дым, поднимающийся от алтарей, ни прекрасный порядок только что вырытых каналов. Тяготы физического труда – удел машины, а не божественного потомства.

Поэтому Мардук задумал создать совершенную рабочую машину, на которой было возможно выполнение любых услуг, потребным богам. Но это должна была быть живая машина, из плоти и крови, наделенная достаточным интеллектом для выполнения своих задач и достаточной продолжительностью жизни для десятилетий гарантированной верной службы. Мардук нарек эту машину *лүлү* – «человек».

О своем плане Мардук сообщил другим божествам: создание человека и освобождение всех божественных существ от труда должно было придать новому порядку Вселенной окончательную форму. Замысел Мардука по переустройству

универсума с воодушевлением приветствовали пленники из воинства Тиамат – полная автоматизация труда при помощи разумных машин даровала бы им свободу и вернула законный статус. Однако взамен Мардук потребовал принести в жертву их военачальника Кингу, чья кровь должна была вдохнуть искру жизни в человека-луллу. Сделка была принята без колебаний. Чудовища схватили Кингу, заковали его в кандалы и «объявили вину его, кровь излили». А затем бог мудрости Эа «людей сотворил... на этой крови»¹⁷.

Так и появились люди. Подобно планете, где им предстояло жить, и Вселенной, в пределах которой эта планета находилась, они возникли из крови, страданий и предательства. Их удел состоял в том, чтобы служить рабочим приспособлением внутри великого шатра Небес и Земли. Людям предстояло работать на богов и подчиняться любому их требованию, оставаясь в неведении об истинном смысле своих действий. Эти машины могли обучаться, им было по силам со временем совершенствовать свое мастерство, но они в любом случае так и оставались машинами. Луллу были остатком поверженного военачальника, которого принесли в жертву его товарищи, выкупом, уплаченным за свободу воинства чудищ.

¹⁷ Энума элиш, VI, 32–33. Когда Ану сотворил небо. С. 51.

Всё Средиземноморье разделяло это мрачное представление о человеческой судьбе.

В самом начале Ветхого Завета, в книге Бытия, составленной, вероятно, после вавилонского пленения евреев, появление людей в мире изображалось как изгнание из рая в мир, где им предстояло изнурительно трудиться, страдать и умирать.

Древние греки воспринимали человеческий удел как проклятие. В одном из греческих мифов рассказывается о том, как во время охоты фригийский царь Мидас наткнулся на Силена – лесное существо полубожественной природы – и поймал его. В обмен на свободу Мидас потребовал от него раскрыть секрет, в чем для человека состоит лучшая доля. Неохотно подчинившись, Силен сообщил:

Зачем ты вынуждаешь меня говорить о том, что для человека лучше и не знать. Ведь тот, кто пребывает в неведении о своих несовершенствах, более свободен от скорбей. И для человека совершенно невозможно обрести лучшую из всех вещей ⟨...⟩ ведь лучшее для всякого мужа и для всякой жены – вовсе не родиться; однако следующая лучшая вещь после этой и первая из тех, что для человека достижимы, но из лучших всё же лишь вторая, это – родившись, умереть настолько

быстро, сколько то возможно¹⁸

¹⁸ *Псевдо-Плутарх. Утешение к Аполлонию, XXVII* / пер. Julius, по изд.: Plutarch's Moralia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. V. 2. Онлайн-публикация: <http://simposium.ru/ru/node/13857>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.